

А.О. Ханский (Тверь)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.И. БОГИНА КАК ПРОБЛЕМА
(Тезисы)

I. ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ

1. Отказ от историзма

На годы обучения (1946 – 1951) Г.И. Богина в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова приходится смена официальной доктрины советского языкознания. После дискуссии по вопросам языкознания 1950 г., в которой принял участие тов. И.В. Сталин, на смену яфетической теории (*Нового учения о языке*) Н.Я. Марра приходит сравнительно-историческое языкознание, которое доминирует в СССР все 50-е годы. Именно на эти годы приходится защита дипломной работы и начало научной деятельности Георгия Исаевича. В 1958 г. выходит его первая публикация («К вопросу об историзме в преподавании лексики иностранных языков в старших классах») и представляется к защите кандидатская диссертация «Элементы историзма при обучении английской лексике в VIII – X классах средней школы» (однако искомая ученая степень тогда ему не была присуждена). По свидетельству людей, близко знакомых с Г.И. Богиным, он до конца своих дней высоко ценил свой первый научный труд.

Однако впоследствии историзм уходит из научного творчества Г.И. Богина. Сначала, когда были сняты различные табу на психолингвистику, его сменяет психологизм, а затем абстрактный объективизм. Концепция языковой личности, составившая основу докторской диссертации (которая также была защищена не сразу: 1982 и 1984 гг.) представляет собой сугубо синхроническое построение, в которой язык и языковые деятельности рассматриваются вполне по-структуралистски.

В этой связи интересно отметить два следующих частных обстоятельства:

1. Среди прочих техник понимания есть семантизация, но нет этимологизации. (После элементов историзма в преподавании английской лексики в *средней* школе отказ от этимологизации в *высшей* школе есть уже измена себе самому.)

2. Г.И. Богин, исповедуя имманентный подход, не уставал повторять, что анализировать следует собственно сам текст, вне учета авторства, истории его создания и прочих внешних факторов, т.е. анализу подлежит текст, рассматриваемый в самом себе и для себя. (Полный параллелизм с Ф. де Соссюром в части оппозиции внутренняя *vs.* внешняя лингвистика достаточно очевиден. И не только в этом: сама научная эволюция от историзма к структурализму у этих двух ученых во многом изоморфна.)

Такие изменения в научной парадигме не составляли бы никакой проблемы, если бы не ряд обстоятельств:

1. Г.И. Богин всегда более чем критично относился к структурализму как таковому.

2. Как бы ни менялись актуальные (популярные) парадигмы в языкознании, официальной идеологией в Советском Союзе на протяжении всей его истории был марксизм-ленинизм. А это идеология историзма.

3. Как бы критически ни относился Г.И. Богин к советской действительности, одной из основ его филологической герменевтики (разработка высших уровней развития языковой личности) является трехпоясная схема мышледеятельности Г.П. Щедровицкого (а если более широко, то сам деятельностный подход – методология), т.е. развитие классики марксизма, восходящей к «Тезисам о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Кроме того, Г.П. Щедровицкий, сам выросший из «Капитала» К. Маркса, был научным редактором нескольких монографий Г.И. Богина.

4. Сама педагогическая ситуация предполагает изменение если не всего мира, то по крайней мере его фрагмента – конкретного человека, когда нужно совершить переход от некоей данности к некоей цели (из неуча сформировать дипломированного специалиста; вариант: из человека, не владеющего иностранным языком, сделать развитую языковую личность в этом языке).

Т.е. как бы ни увлекался Г.И. Богин синхронистски-структуралистским подходом, на него постоянно воздействовал ряд системообразующих факторов, которые неизменно должны были бы его возвращать в лоно историзма, с которым он был знаком не понаслышке. Но этого не произошло. Причина этого отказа от историзма и составляет для меня проблему.

Синхронизм предполагает вынесение многих существенных факторов, характеризующих историческую эпоху, в пресуппозицию. Это позволяет построить компактную стройную теорию, подтверждающую тезис о том, что все гениальное просто (поскольку все сложное для объяснения и описания предполагается само собой разумеющимся).

Рано или поздно это приводит к иллюзии о вневременном характере построенной теории. Такая иллюзия может сохраняться только до тех пор, пока положения, вынесенные в пресуппозицию, сохраняются в условиях конкретной исторической эпохи. Но при кардинальных исторических изменениях пресуппозиция разрушается, и теория в новых условиях перестает быть актуальной, а вместо работы на созидание может начать работу на разрушение.

Синхронизм не может возникнуть и развиваться в революционные эпохи, когда основной идеей является динамизм, когда старые структуры разрушаются, а новые еще только предстоит создать. Структурализм не мог утвердиться в молодой Советской Республике не по причине злокозненности большевиков и не по причине якобы лингвистической некомпетентности Н.Я. Марра, а потому что синхронизм не соответствовал основному содержанию эпохи – радикальному переустройству всего общества.

А вот в эпоху застоя синхронизм становится доминантной мыслительной парадигмой. Поэтому он так легко утвердился в позднем СССР, когда на Западе он уже утратил свою новизну и актуальность, несмотря на явный антагонизм официальной марксистско-ленинской идеологии. Если принимать во внимание наличие как прямых, так и обратных связей, то можно утверждать, что застой утверждался и поддерживался синхронистами-структуралистами, постоянно воспроизводившими своим мышледействием

синхронизм как способ осмысления действительности. Поэтому в застое виноваты не столько Л.И. Брежнев и М.А. Суслов, сколько та интеллигенция, которая расширенно воспроизводила определенный стиль мышления. Не последнее место в рядах этой интеллигенции занимали отечественные лингвисты.

С историко-лингвистической точки зрения застой в Советском Союзе начался в 1960 г., когда вышел в свет первый выпуск сборника «Новое в лингвистике» (позднее ставший именоваться «Новое в зарубежной лингвистике»); всего вышло 25 выпусков, последний из которых – в 1989 г., когда перестройка приняла необратимый характер; 26-ой выпуск был анонсирован, но опубликован не был). В этом же 1960 г. выходят «Основы фонологии» Н.С. Трубецкого и, как последний поклон историзму, «Принципы истории языка» Г. Пауля. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что 1960 г. был последним годом господства историзма и первым годом господства структурализма в советском языкознании.

Перестав со временем быть доминирующей парадигмой лингвистической науки, структурализм сохранился как доминирующая парадигма гуманитарного мышления. Именно это, возможно, и стало причиной того, что даже ярые оппоненты лингвистического структурализма, сами того не желая, воспроизводили его в своих теоретических построениях.

Трагикомизм ситуации заключается в том, что именно синхронисты-структуралисты, руководствовавшиеся абстрактными вневременными схемами, громче других в годы перестройки требовали перемен (т.е. динамизма). Не удивительно, что как только перемены настали, синхронизм стал неадекватен динамичной ситуации, а синхронисты оказались на обочине (а то и в кювете) так призываемых ими перемен. Единственное, на что они оказались способны, так это предложить чисто механически заменить одну «вневременную» парадигму другой столь же «вневременной», чей закат был провозглашен задолго до перестройки и не только марксизмом.

Однако в условиях начала кризиса синхронизм некоторое время мог выполнять положительную роль, пытаясь сохранять (воспроизводить) уходящую культурно-историческую парадигму. Примером этого могут служить многочисленные попытки сохранения в культурном пространстве «новой» России творческого наследия М.А. Шолохова, которые были предприняты Г.И. Богиним в работах данного периода, предлагавшим его новое, более глубокое прочтение. Но на долгое сопротивление наступившим переменам такой подход был не способен.

Таким образом,

1. В эпоху перемен синхронизм становится контрпродуктивным подходом, а востребованным оказывается историзм.

2. Если исследователь хочет, чтобы его имя пережило его эпоху, он должен закладывать ось времени в основу своей парадигмы, и только признавая свою преходящность сможет оказаться востребованным своими потомками.

3. Изменения, произошедшие в нашей стране и в мире за последние четверть века, являясь провозвестниками куда более радикальных перемен в ближайшем будущем, делают неизбежным исторический подход в гуманитарных исследованиях и полное неприятие синхронизма.

Понимание, как и всякий социальный феномен, осуществляется в конкретных культурно-исторических формах. Поэтому необходим анализ этих форм, их привязанность к конкретным эпохам и культурам. Рассмотрение исторически преходящих форм понимания в качестве панхронических и панкультурных вряд ли способно улучшить понимание здесь и сейчас. Под конкретные культурно-исторические формы понимания создавались конкретные тексты, предназначенные для конкретного восприятия (например, только устного, или только письменного; индивидуального или коллективного; и пр.). Поэтому любая конкретная форма понимания, будучи универсализированной, становится формой эпифеноменального понимания.

Работая в рамках синхронии, Г.И. Богин жестко связал себя с советским периодом нашей истории. Ведь читать и писать по-русски предлагалось исключительно в современной орфографии, а значит то, что проходит сито официальной цензуры. При всей своей критичности к Советской власти, в том числе и излагаемой в печатных работах (например, еще очень аккуратно в “Современной лингводидактике” 1980 г., и уже очень решительно в позднесоветских и постсоветских публикациях), он не смог предложить читать дореволюционные тексты. Для этого нужно знать старую орфографию, а еще лучше всю историю родного языка. Но это уже за рамками предложенной им модели. Поэтому именно из-за своего синхронизма у Г.И. Богина не оказалось места за пределами советской действительности, и он ушел вместе со своей эпохой.

2. Проблема родного языка

Преподавая иностранный язык в национальных (автономной и союзной) республиках большой страны, Г.И. Богин был объективно поставлен в ситуацию, когда свой предмет нужно было преподавать безотносительно к тому, какой язык для конкретного учащегося (студента) является родным, поскольку в одной аудитории, за одной партией могли оказаться люди с разным родным языком. Поэтому Г.И. Богин был вынужден строить свою работу, никак не маркируя родной язык своей аудитории. В результате была создана достаточно универсальная система обучения иностранному языку. Но эта универсальность была достигнута за счет того, что *все* языки рассматривались как иностранные (неродные).

(В результате чего одна из учениц Г.И. Богина, считающаяся специалистом в области переводоведения, в совсем иной культурно-языковой ситуации – в центрально-европейской части России, организовала переводоведческое отделение, на котором студентам преподаются два живых иностранных языка и латынь, но не преподается родной русский язык. Не преподается за ненадобностью, поскольку он не маркирован как родной, а русским как иностранным русские студенты владеют, конечно же, лучше, чем латынью. Понятно, что качество подготовки таких переводчиков достаточно сомнительное.)

Являясь по образованию и по профессии преподавателем иностранного языка, Богин создавал свою концепцию языковой личности, находясь внутри ситуации преподавания иностранного языка. Но никакая концепция преподавания ИЯ не может быть состоятельной без учета и опоры на знание

родного языка. Поэтому концепция языковой личности необходимо должна быть приложима и к формированию готовности в родном языке.

Но родной язык усваивается принципиально иначе, чем иностранный. Если в последнем случае весь процесс упорядочен, систематизирован и может быть описан в рамках структуралистского подхода, то родной язык во многом формируется стихийно. Насколько структуралистские схемы (методы, подходы, парадигмы) могут описать и сам стихийный процесс, и его результат (синхронный срез) – большой вопрос. И как проводить (ЕГЭ не предлагать!) этот самый синхронный срез владения родным языком? Ведь знание школьного курса родной словесности не исчерпывает всего объема владения родным языком.

Поэтому возникает один серьезный вопрос:

– Насколько жизнеспособна предложенная Г.И. Богиним концепция овладения иностранным языком, если она явно (эксплицитно) опирается на знание родного языка, предполагая различного рода слепки и компрессии, а неявно (имплицитно) не маркирует ни один язык как родной?

и ряд более частных:

– Возможно ли по кубу (*имеется в виду куб Гилфорда, описывающий готовности человека*) сформулировать техническое задание средней школе на знание родного языка и культуры ее выпускниками?

– Есть ли готовые это сделать?

– Достаточно ли знание родного языка у студентов факультета иностранных языков?

– Или работаем по принципу: каково знание родного языка, таковы и слепки, и компрессии, таково и знание иностранного языка, получаемого на нашем факультете?

– Нужно ли преподавание родного языка на факультете иностранных языков, и если да, то каким оно должно быть?

В своих работах Г.И. Богин прямо указывает, что в основу его концепции положен опыт преподавания английского языка в Кокчетаве. Последний полный учебный год, проведенный там – 1972/73, с января 1974 он работает в Калинин. Последние студенты, заставшие Богина в Кокчетаве, закончили школу в конце 60-х – начале 70-х годов, а пошли в первый класс в конце 50-х – начале 60-х. Именно в эти годы Советский Союз вышел в космос (кстати, именно с территории Казахстана), и советская система образования была признана лучшей во всем мире. В *такой* ситуации Богин мог не беспокоиться за своих смежников – преподавателей родного (не важно какого: русского, казахского или какого другого) языка в средней школе. А вот те студенты, которые поступили на наш факультет в 2008 году, пошли в школу в 1997... Можно ли сегодня быть спокойным за работу смежников?

У Богина есть несколько публикаций в изданиях по русскому языку, но это издания о преподавании русского как иностранного (МАПРЯЛ, “Русский язык за рубежом” и нек. др.). О преподавании русского (или английского) как родного у Богина публикаций нет. Не свидетельствует ли это умолчание о неприменимости предложенной концепции к преподаванию родного языка. Монография о технологии преподавания в вузе английского как иностранного опубликована в 1978 г. (30 лет назад!). Есть ли попытки создания по образу и

подобию технологии обучения и самообучения (!) родному языку? Найдутся ли желающие *самообучаться* родному языку по некоей технологии (если это вообще возможно)?

Не оказывается ли концепция языковой личности подвешенной в воздухе, не имея под собой надежного фундамента овладения родным языком. Но концепция, подвешенная в воздухе – это воздушный замок. Кто сегодня на нашем факультете реально работает по этой концепции? Кто преподает английский по этим уровням и аспектам, по ячейкам куба, компенсируя недостаточное овладение одной клеткой интенсивными упражнениями по другой?

II. ВНЕШНИЙ АСПЕКТ

1. Необходимость новой герменевтики

Все поставленные вопросы можно было бы считать отвлеченным умствованием, если бы не те изменения, которые произошли в нашей стране и в мире за последние годы. А эти изменения стали причиной того, что герменевтика вступила в принципиально новый этап своего развития. Если раньше герменевтика занималась тем, что разгерметизировала что-то внешнее по отношению к человеку для последующего усвоения им, то теперь предельно актуальной стала задача загерметизации внутреннего мира человека от агрессивного информационного воздействия окружающей среды, где ничего разгерметизировать не надо: мощный поток фекальных стоков бьет прямо в душу человека. В этих условиях спасти «душу живую» можно только используя защитные механизмы *родного* языка, в многовековой *истории* которого хранится бесценный опыт нашего народа.

Поэтому вопрос о том, насколько модель, построенная применительно к иностранному языку, понимаемому синхронно, может оказаться полезной применительно к родному языку в его исторической перспективе, становится отнюдь не праздным.

Сегодня всё более востребованной становится теория родного языка. Немцы приступили к ее разработке еще около 100 лет назад. Чего стоит только название одной из ранних работ Л. Вайсгербера *Muttersprache und Geistesbildung* (рус. пер. «Родной язык и формирование духа»). Но построить абстрактную теорию абстрактного родного языка невозможно. Такая теория должна строиться только на основе родной культуры, в полном согласии с духом народа, чем по существу и является по язык (В. фон Гумбольдт), т.е. в согласии с самим собой. Так, Вайсгербер основывался на идеях Гумбольдта, а тот – на немецкой классической философии, которая в свою очередь проросла из конкретно-исторической ситуации Германии той эпохи. Отбрасывать чужой опыт не стоит, но относиться к нему следует именно как к *чужому*. Некритичное накладывание на родной язык заемных схем и парадигм, какими бы успешными они ни были применительно к другим языкам и культурам, способно лишь убить душу языка, дать ложное (эпифеноменальное) понимание языка.

Применительно к русскому языку строить такую теорию следует с опорой на русское языкознание. Русское не по географии, не по гражданской или

национальной принадлежности исследователей (таких хватает), а по духу, менталитету, мировидению (а вот таких маловато). Именно национально-специфический подход к изучению родного языка способен выявить те защитные механизмы, которые всё более становятся востребованными.

В отечественной официальной (академической) науке всегда были сильны исследователи, ориентированные на западные образцы научной мысли. Не в последнюю очередь это объясняется комплексами русской интеллигенции, рассматривающей свою страну как дикую и варварскую, которую надо было приобщать сначала к общеевропейским, а затем и к общечеловеческим (т.е. евроатлантическим) ценностям.

Поэтому подлинно русское видение языка всегда (и при царях, и при Советской власти, и в “новой” России) было маргинальным, его пытались всячески дискредитировать. Но сегодня, в эпоху кризиса, обращение к славянофильскому языковедению становится всё более насущным.

Это не только такие имена, как Александр Семенович Шишков (1757 – 1841) и Константин Сергеевич Аксаков (1817 – 1860), хотя они, конечно же, в первую очередь. Искать необходимые идеи следует и в творческом наследии русских поэтов (кстати, и Шишков и Аксаков не были чужды поэтическому творчеству). Именно они, работая с родным словом, оставили интересные наблюдения о русском языке. Но их работы по словесности оказались забытыми – получив поэтическую известность, эти авторы переиздавались своими стихами; а не работая в академической парадигме (что как раз и составляет их преимущество) – они не рассматриваются историками языкознания. Сегодня это очень благодатная тема не только для историко-лингвистических, но и для теоретико-лингвистических исследований.

Именно с опорой на творчество К.С. Аксакова и А.Ф. Лосева разработал свою лингвистическую герменевтику А.М. Камчатнов. В отличие от филологической герменевтики Г.И. Богина, эта герменевтика реалистическая, историческая и ориентирована на родной язык. Но это еще герменевтика раскрывающая. Закрывающую герменевтику еще только предстоит создать, однако камни в ее основание уже заложены.

2. На подступах к новой герменевтике

Сегодня, когда еще не выработан язык новой герменевтики, когда на этом языке еще не сформулированы ее цели и задачи, говорить о ее устройстве можно лишь в самых общих чертах.

Исходя из тех объективных условий, которые востребуют закрывающую герменевтику, она представляется формальной, т.е. ориентированной на форму высказывания (которая, конечно же, содержательна). Поскольку язык имеет две ипостаси, то анализировать следует и письменную и устную формы.

– Основу письма составляет алфавит. Поэтому необходимо знание его истории и воспитание бережного к нему отношения. Замены типа Ч → 4, Т → + (что скорее связано с латинским t, чем с русским т) и тому подобные должны вызывать неприязнь и отторжение, и как следствие, блокировать в сознании дальнейшее восприятие такого текста.

– Знание места каждой буквы в русском языке также способствует формированию определенных защитных механизмов. Так, редкое слово в русском языке, начинающееся с *а* не является заимствованным, а наличие в слове буквы *ф* практически гарантирует его иностранное происхождение.

– Девяносто лет назад из нашего языка ушла буква *ять*. В старой орфографии эта буква никогда не ставилась в заимствованных словах. Вместе с ней ушли *фита*, *ижица* и *и* десятичное. Знакомство с недавней историей языка позволит мысленным взором перевести текст в старую орфографию и, например, оценить частотность буквы *ять* в предъявляемом тексте. Низкая (и тем более, нулевая) частотность этой буквы должна служить сигналом опасности.

– За старой орфографией должно последовать более глубокое изучение истории языка и этимологии слов, знакомство с текстами прошлых эпох нашей культуры. Тогда можно будет оценить и обоснованность неологизмов-заимствований и уместность архаичной стилизации в тексте. Но и без этого можно уверенно сказать, что количество киллеров-дилеров в современных текстах явно избыточно и представляет собой явную угрозу и нашему языку и нашему сознанию. Пуризм не самодостаточен, но необходим. Следы хищника не опасны, но указывают на близкую опасность. Чуждые ментальные схемы легко можно навязать с использованием иноязычных слов и практически невозможно на автохтонном языке народа.

– Для манипулятивных текстов характерен упрощенный синтаксис. Поэтому знание периода и понимание его красоты будут безусловно способствовать иммунитету от *съел-и-порядок*, которые станут отскакивать как от стенки горох. Но для этого период нужно знать. А он на нашем факультете не преподается в принципе ни на одном языке. Сложное синтаксическое целое абсолютно невнятно всем нашим выпускникам без исключения. И это не только профнепригодность, но и серьезная угроза для нашей духовной сферы, как для корабля пробоина ниже ватерлинии.

– Что касается устной речи, то здесь в первую очередь нужна наслушанность в русской интонации. В современных эфирных СМИ ее практически нет, но в интернете вполне доступны записи радиоспектаклей и литературных чтений, сделанных еще в советское время, когда был жесткий контроль не только в части идеологии, но и в части чистоты языка. Некоторые из этих записей сопровождаются современными звуковыми титрами, что делает очень наглядным разрушение интонационных контуров нашего родного языка.

Укоренение в родном языке должно быть настолько глубоким, чтобы все его нарушения не просто вызвали соответствующую эмоциональную оценку, но приводили к *непониманию* таких текстов без специального усилия.

3. И старое и новое

Необходимость в закрывающей герменевтике вовсе не означает, что Г.И. Богина (и многих других) следует сбросить с корабля современности. Тексты, прошедшие защитные фильтры новой герменевтики, поступают в сознание для

раскрытия и усвоения. И здесь уже никуда не деться от старой доброй и хорошо знакомой традиционной герменевтики. Сосуществование двух герменевтик неминуемо послужит обогащению их обеих. Новая позволит выявить и заполнить лакуны старой (например, поместив рядом с семантизацией этимологизацию), а старая что-то подскажет новой. Ведь учил же Г.И. Богин оценивать качество художественного текста не только по итогам его полного прочтения, но и по первой странице, по первому абзацу, по первым строкам и фразам произведения. И здесь уже границы между старым и новым становятся неразличимы. И хотя до синтеза тезиса и антитезиса еще очень далеко, но путеводная звезда уже зажглась и зовет за собой.